так и созданием прочной системы парламентских соглашений, неписаных правил, подчиняющих деятельность различных административных

инстанций закону.

Решающая роль в трактовке конституционных норм принадлежит Конституционному суду. Нам представляется, что в переходный период укрепление независимой судебной власти является важнейшим критерием существования и даже инструментом создания институтов правового государства. В условиях традиционной слабости судебной власти в России наиболее актуален вопрос о реальной политической автономности Конституционного суда в рамках политической системы. Для этого необходимы политическое разрешение конституционного конфликта, создание устойчивой преемственности демократической политической традиции, создание в обществе атмосферы правовой культуры и уважения к праву. Президентская власть, объективно являющаяся гарантом Конституции, должна обеспечить этот процесс единством политической воли и цели — конституционной демократизации общества и государства.

> Поступила в редакцию 03 02 96

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 12, ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ. 1996. № 5

Р. Ф. Туровский

РУССКАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Геополитические концепции имеют две основы — природно-географическую и духовную. Природно-географическая основа определяется в геополитике через географическое положение государства на разных региональных уровнях вплоть до глобального, набор соседей и характер соседства (длина и свойства границы, транспортно-географическая зависимость стран друг от друга, комплиментарность отношений двух стран, наличие конфликтов), отношение к транспортным путям, природные, физико-географические особенности государственной территории, т. е. через весь комплекс индикаторов политико-географического положения государства в мире. Государство здесь рассматривается как территориальное явление, географический объект (во избежание разночтений подчеркнем, что географическое неравнозначно природному).

Культурная, или духовная, основа геополитики проявляется в каждом народе чето культурную традицию, историческое развитие в многоцветных формах этнокультурной мозаики и цивилизационной изменчивости, через концептуальную основу государственной идеи. Та часть внешней и внутренней политики государства, которая относится к национально-государственному устройству, территориально-политической организации, к взаимодействию с другими государствами в формах экспансии, заключения союзов, создания сфер влияния (т. е. «геополитический» сегмент государственной политики), во многом определяется геополитическими императивами, вытекающими из политико-географического положения государства и его политической культуры.

В своем взаимодействии природно-географическая и духовная основы геополитики влияют на интенции геополитической активности, такие, как территориальная экспансия с ее технологиями и направлением, отбор союзников (некоторые из них приобретают статус традиционных

союзников) и противников (среди которых говорят о вечных противниках), выявление зон жизненных интересов и сфер влияния (с их всегда иерархической и концентрической структурой, что подразумевает ранжирование территорий на более и менее важные для данного государства), нахождение основополагающих принципов внешней политики и осознание собственной роли в мире. Получается геополитический инвариант государства, дополняемый зависящими от исторических событий переменными и нередко меняющий свои внешние формы, оболочки.

В настоящей статье предпринята попытка определить геополитический инвариант России и русского народа, данный ему в его этнокультурном архетипе и в государственной традиции. Мы постараемся обозначить наиболее фундаментальное содержание русской геополитики, которое воспроизводилось во все времена. Основное внимание уделяется идеалистическим основаниям русской геополитики, хотя коротко нужно остановиться на ее природной основе и политико-географическом по-

ложении России 1.

Русская политическая география

На русскую геополитику наложили свой отпечаток географические особенности России, такие, как континентальность географического положения (центральные и северо-восточные районы Евразии) и природно-климатических условий, большие размеры территории при ее в целом слабой освоенности и заселенности (до сих пор преобладают экстенсивные методы ее освоения), преимущественная равнинность при отсутствии труднопроходимых природных барьеров. Территориальная эволюция Российского государства шла в сторону создания паневразииского внутриконтинентального ядра на сравнительно легко преодолеваемом, точнее, не расчлененном ясно выраженными физико-географическими разделителями, равнинном и разреженном (в смысле невысокой плотности населения) пространстве. Избранный Россией путь территориальной экспансии облегчал инкорпорацию присоединенных частей, шедшую вплоть до создания более или менее стабильной евразийской системы, обозначенной границами Российской империи конца XIX начала XX в. и Советского Союза. При этом чрезмерная внутриконтинентальность географического положения, препятствовавшая свободной связи с внешним миром, компенсировалась устойчивыми выходами к морю, выполнявшими функцию повышения стабильности, устойчивости внутреннего ядра с помощью «опор» на морях.

На русскую геополитику наложил свой отпечаток и культурный дуализм России, обусловленный схождением в едином государственном целом русской национальной и евразниской интегративной идей. С одной стороны, для России было характерно очевидное преобладание русского православного населения; русский народ создал в себе и вокруг себя цивилизацию, где русское православие — наипервейшая основа. С другой стороны, Россию еще со времен Московской Руси отличали многообразие населяющих ее народов, «вечный» фактор смешения, взаимопроникновения, взаимовлияния различных культур на российской земле. Особенности русской культуры проявились и в установках рус-

Подробнее проблемы политико-географического и культурно-географического положения России рассматривались автором в следующих работах. Российское и европейское пространства: культурно-географический подход/Извесия РАН. Серия географическая, 1993. № 2. С. 116—122; Политико-географическое положение России и национальные интересы государства//Кентавр 1994 № 3. С. 31—36; Ядро Евразии или ее тупик?//Россия на новом рубеже. М., Апрель-85, 1995. С. 249—258.

ской геополитики, в частности, в ее мессианских устремлениях и из-

вечных консервативно-традиционалистских приоритетах.

В сумме своей физико- и культурно-географические особенности России создают две центральные характеристики российской государственности — ее имперский характер и великодержавность. Имперские черты придают России ее историческая эволюция, долгий процесс территориальной экспансии, сочетавшей завоевания, добровольные присоединения и мирную колонизацию, принципиальное несоответствие России концепции национального государства ни этнократического типа, ни созданного по образцу «плавильного тигля». На наш взгляд, государство становится империей в тот момент, когда оно в результате территориальной экспансии преодолевает некий порог внутреннего этнокультурного разнообразия. Русское государство постепенно стало превращаться в империю с XVI в., особенно явственным имперский его характер был в классический имперский период XVIII—XIX вв.

И сегодня вместо национального государства Россия еще являет собой пример империи-космократии со своеобразным внутренним миром — космосом, созданным русской культурой и сочетающим в себе и вбирающим в государственную целостность созвездие иных, весьма различающихся культур. Исторически Россия складывалась как империя, как супранациональное государство и неудивительно, что ее способом существования стала пространственная пульсация, когда политические границы то заключают в российские пределы некоторую территориальную общность, то отсекают ее от исторического государственного

ядра.

Российскую великодержавность создали представления о российских просторах, ландшафтном разнообразии, объединении народов под властью одного монарха, т. е. все российское единство в многообразии. С точки зрения геополитического положения Россия стала великой державой как мощное континентальное ядро, активно взаимодействующее и тесно связанное со своей внутриконтинентальной и приморской периферией, с народами как Запада, Европы, так и Востока — ислам-

ского мира, Индостана, Китая.

Обеспечение внутренней целостности и стабильности внешних границ является геополитическим императивом любого государства. Особенно сложную и трудоемкую задачу это представляет для имперского государства. Созданное обычно в короткий период пассионарного подъема оно затем принимает множество вызовов, нарушающих спаянность его разнородных частей. В процессе формирования территории Российского государства стабильность исторического ядра обеспечивалась через поглощение нестабильных геополитических зон и инкорпорацию бывших противников. Россия делала выбор в пользу не перманентной войны с беспокойным соседом и временного его замирения, а в пользу присоединения этого соседа, его умиротворения во внутриимперском пространстве. В качестве примеров поглощения нестабильных геополитических зон приведем присоединение Кавказа и Центральной Азии в XVIII—XIX вв. Россия включила в свой состав таких своих бывших противников, как Казанское ханство и другие наследники Монгольской империи, Крымское ханство, Польша (а в самом начале своей истории — Тверь, Новгород, Рязань).

Параллельно Российское государство проводило территориальную экспансию по пути наименьшего сопротивления. Приведем пример освоения Сибири и Дальнего Востока, где минимальная сопротивляемость этнокультурной среды позволила России в сжатые сроки присоединить огромпую территорию и создала непропорциональный эксцент-

риситет государства с его почти бесконечной восточной периферией (тогда как западная экспансия не могла не быть ограниченной поскольку наталкивалась на прочную стену европейского культурного мира).

Идеалистические основания русской геополитики

«Москва — Третий Рим». Глобализм и мессианство

Уже в XV в. Россия продемонстрировала свою культурную и одновременно геополитическую зрелость. Русская культура и русская геополитика слились воедино в знаменитой концепции «Москва — Третий Рим», в концепции, которая заложила фундамент великорусской государственности — не чего-то давнего и отстраненного, а той России, которая, несмотря на все коллизии, существует и поныне. Сам тезис «Москва — Третий Рим» символизировал (и в этом его основная роль) осознание Московской Руси центром истинного христианства. Святой Русью, наследующей свою роль и могущество от Рима и Константинополя. Тем самым Московской Руси предписывалась роль державы с глобальной значимостью и вселенской духовной миссией (корни русского мессианства, несомненно, более глубоки, о чем свидетельствовало еще «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона²). А появившийся на этом историческом фоне тезис «Москва — Третий Рим», как это часто случается в истории, означал не внезапный сдвиг в сознании или хитроумный стратегический план, а специфическую интерпретацию уже сложившейся к началу XVI в. реаль-

ности в духе юного великорусского национализма.

Первым историческим событием, явившим миру самостоятельную, гордую Великороссию, был решительный отказ Москвы от Флорентийской унии 1439 г. Митрополит Исидор, активно ратовавший за унию, по приезде в Москву в 1441 г. был объявлен еретиком, арестован и бежал в Рим. «Отвергнув Исидора за унию, русские последовательно должны были разорвать союз и с формально-униатской церковью Константинопольской. Но на это у них не хватало мужества: не наступил еще момент исторической зрелости, когда столь самостоятельное отношение к старейшей церкви не могло бы уже казаться невозможностью» 3. Но эволюция российского сознания, его духовный рост и возвеличение шли непрерывно и весьма быстро. Продолжая по традиции оглядываться на Константинополь, русские в 1448 г. все же решились самовольно поставить митрополитом Иону, нарушив тем самым право константинопольского патриарха. Сила русского консерватизма, почитания традиции, канонов была столь велика, что стоило Константинополю отойти от унии, как великий князь Василий II решил отказаться от народившейся автокефалии. Но тут византийцы снова повели диалог с папой, а в 1453 г. пал Константинополь. Попавший в руки к османам Константинополь хотя и остался центром православия, но авторитет свой для Руси утратил. Подспудно в историю вошел вопрос о «византийском наследстве» и лидерстве в православном мире. Так, в 40-50-е годы XV в. в княжение Василия Темного впервые по-настоящему зазвучала тема самостоятельного выбора Московской Руси — будущей Великой Россией — своего пути.

Итак, прецеденты, доказывающие достаточную зрелость государства, есть. Осталось сделать государство адекватным амбициям— силь-

² См.: Иларион. Слово о законе и благодати. М., 1994.

Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М., 1991. С. 357.

ным и крепким. Эту задачу успешно выполнил наследовавший Василию Темному Иван Великий. Русское государство, недолго колеблясь, забрало «византийское наследство» себе: Иван III в 1472 г. женился на племяннице последнего византийского императора (хотя римский папа Павел II, предлагая в жены Ивану III гречанку Софию, намеревался склонить великого князя к принятию унии, на Руси этот акт приобрел совсем иное значение), стал именовать себя Государем Всея Руси, самодержцем, а временами и царем, на документах появился заимствованный у павшей Византии двуглавый орел. На фоне этих исполненных внутреннего смысла действий Иван Великий объединил Великороссию. В 1480 г. после «стояния на Угре» канула в Лету хотя и номинальная зависимость от Золотой Орды. Московия осторожно начала налаживать

связи с западнохристианскими странами.

И вот около 1510 г., во время присоединения к Московской Руси Пскова, осуществленного великим князем Василием III, старец Филофей из псковского же Спасо-Елеазарова монастыря сформулировал концепцию «Москва — Третий Рим». Эта концепция вошла в русскую культуру не только как эсхатологическая картина в апокалиптических тонах, написанная под глубоким впечатлением павшей на Константинополь Божией кары за отступничество, но и на фоне мощной державной поступи Московской Руси. Эта концепция вошла в плоть и кровь русской геополитики в ту пору, когда геополитика как раз и вырастала из культурных веяний как органичное исполнение государственной политики, а не как отвлеченная академическая концепция. В таком духе комментировал свершившееся прот. Георгий Флоровский: «Если забыть о Втором Пришествии, тогда уже совсем иное означает утверждение, что все православные царства сошлись и совместились в Москве, так что Московский Царь есть последний и единственный, а потому всемирный Царь. Во всяком случае, даже и в первоначальной схеме Третий Рим заменяет, а не продолжает Второй. Задача... в том, чтобы... построить новый Рим взамен прежнего, павшего и падшего» 4. И послание Филофея было отнюдь не лестью великому князю. Оно свидетельствовало об исторической обязанности, долге князя воспринять всемирную, вселенскую роль Московской Руси и затем воспроизводить ее в своей политике.

XVI в. стал веком рождения Российского имперского государства, деятельность которого освящается идеей о «Третьем» (и последнем!) «Риме». Появление Великой России следует связать с именем Ивана Грозного, первого русского царя. Как раз при нем были установлены основные особенности и приоритеты русской геополитики: поглощение нестабильных геополитических зон и бывших противников (Казань, Астрахань, Сибирь), борьба за выход к морю (Ливонская война за Прибалтику и одновременная активизация открытого северного направления через Белое море), стали утверждаться традиционалистские принципы в государственной политике, прежде всего консервативный монархизм, соединение православия с самодержавием в рамках народной монархии.

Легитимизм и консерватизм. Миротворчество

Соединение христианских мотивов с внешней политикой, явный приоритет идеалистическим, культуроцентрическим, почвенным конструкциям и критериям в межгосударственных отношениях проявились через существеннейший в русской геополитике принцип легитимизма и

⁴ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 11.

консерватизма. В его основе лежали традиционалистские представления, глубокое восприятие идеи о царе — помазаннике Божием. Принцип легитимизма и консерватизма был активизирован русскими монархами в конце XVIII в., но декларировался и был положен в основу

межгосударственных отношений еще раньше.

«Отец» русской геополитики Иван Грозный, по словам В. О. Ключевского, «был первый из московских государей, который узрел и живо почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, помазанника Божия. Это было для него политическим откровением... Тоном вдохновенного свыше и вместе с обычной тонкой иронией писал он во время переговоров о мире врагу своему Стефану Баторию, коля ему глаза его избирательной властью: "Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси по Божию изволению, а не по многомятежному человеческому хотению"» 5. Охранение самодержавной власти и религиозной традиции с самого начала стало политическим принципом. В соответствии с ним действовал Алексей Михайлович, отправляя в Англию послание следующего содержания: «Поелику оные аглицкие немцы свово короля Каролуса до смерти убили, то Великий Государь Московской и Всея Руси повелел оных аглицких немцев на русскую землю не пущать» 6. Торговля с Англией резко сократилась, зато укрепились связи с Голландией.

Консервативные тенденции во внешней политике начали обретать «второе дыхание» с воцарением Екатерины II. Как раз тогда Российское государство стало активно вмешиваться в европейскую политику, энергично воевало с Турцией, а Екатерина II проявила себя борцом против революционного движения в Польше. Как консервативная геополитическая сила Россия выступала и в дальнейшем. Император Павел объявил себя «защитником тронов и алтарей» и активно боролся с французским вольнодумством и республиканскими идеями. В этом своем качестве он покровительствовал духовно-рыцарскому Мальтийскому ордену и вел политику в соответствии со своим мировосприятием —

идеалистическим с изрядной долей мистицизма.

Более ярко антилиберальную направленность российской политики выразил «Священный союз» Александра I. «Собравшиеся в Вене монархи заключили между собой «Священный союз» (акт 14-го сентября 1815 г.), который, по замыслу Александра, должен был вносить в международные отношения начала мира и правды, взаимной помощи, братства и христианской любви» 7. Сакральные христианские мотивы продолжали пропитывать русскую геополитику с XV до XIX в. Однако возведение в абсолют одного лишь легитимизма привело к неожиданным и неестественным последствиям: Александр I отказался поддержать восстание в Греции, сочтя его бунтом против законной власти, т. е. против турецкого султана.

Антиреволюционной линии придерживался и Николай I, подавивший очередное польское восстание в 1830—1831 гг. И снова русские войска заняли Варшаву, где опять вспыхнула борьба за независимость. Во имя защиты монархических устоев Николай I действовал и за пределами России: тот же генерал Паскевич подавил венгерскую революцию 1848 г., придя на помощь австрийскому императору Францу-Иосифу. Интересно, что в 1848 г. совместную победу над венгерским национальным движением одержали русский генерал Иван Паскевич и хор-

 ⁵ Ключевский В. О. Исторические портреты. М., 1990. С. 104.
 ⁶ Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л., 1990. С. 166.
 ⁷ Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. М., 1991. С. 293—294.

ватский бан Йосип Елачич, встав на защиту интересов австрийского

монарха.

Однако христианские мотивы в русской геополитике проявлялись отнюдь не только через вооруженную борьбу с революциями, разыгрывавшимися за российскими рубежами во имя сакральных монархических идей. Последний российский самодержец Николай II впервые в мире выступил с инициативой, направленной против тогдашней «гонки вооружений». Речь идет об исторической ноте от 12 августа 1898 г., начинавшейся словами: «Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами вооружений являются при настоящем положении вещей целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств... В убеждении, что столь возвышенная цель соответствует существенным потребностям и законным вожделениям всех держав, Императорское правительство полагает, что настоящее время весьма благоприятно для изыскания, путем международного обсуждения, наиболее действительных средств обеспечить всем народам истинный и прочный мир и, прежде всего, положить предел все увеличивающемуся развитию современных вооружений» 8.

О значении, которое придавалось российской инициативе, можно судить из доклада министра иностранных дел графа М. Н. Муравьева: «Каков бы ни был исход предполагаемой меры, уже одно то, что Россия, во всеоружии своей необоримой мощи, выступила первая на защиту вселенского мира, послужит залогом успокоения народов, осязаемо укажет на высокое бескорыстие, величие и человеколюбие Вашего Императорского Величества, и на рубеже истекающего железного века запечатлеет Августейшим Именем Вашим начало грядущего столетия, которое с помощью Божией да окружит Россию блеском новой мирной славы» 9. Хотя последовавшая за этим Гаагская конференция оказалась неудачной, европейским державам не было дела до мирных инициатив России, нота от 12 августа 1898 г. вошла в историю как первая попытка призвать государства к установлению мира и гармонии.

И Советское государство взяло на вооружение легитимистско-консервативные принципы, только по-своему их интерпретировав. После Октябрьской революции, свергнув собственного монарха, Россия стала проповедовать революционную антилегитимистскую доктрину. Сами же антилегитимные режимы, совершив переворот, быстро «консервировались», соблюдали традицию четко определенной идеологии. Их поддержка становилась претворением в жизнь того же принципа легитимизма. Только если для Российской Империи легитимная власть давалась Богом, то для Советской России — революцией. Красной нитью через внешнюю политику СССР проходила тема миротворчества и разоружения. Обе России были одинаково консервативны в приверженности тем или иным канонам (вспомним, что в свое время и христианство было революционным движением).

Освободительная миссия

В русской геополитической концепции принцип легитимизма и консерватизма оказался дополнен идеей о русской освободительной миссии. Этот мессианский сюжет со всей страстностью воплощался Россией со времени осознания «Третьим Римом» своей реальной политической силы мирового масштаба вместе с уже давно осознанной духовной силой. Тема сохранения последнего христианского царства переросла в тему

⁸ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 96. ⁹ Там же. С. 96.

освобождения других христианских народов от «агарянского плена», от османского владычества.

Идея об освободительной миссии далеко вышла за рамки помощи православным братьям, превращаясь в идею о восстановлении силой русского оружия попранной захватчиками справедливости, в идею гордую и воодушевляющую. Такую миссию взяла на себя Россия, изгнав из своих пределов Наполеона. Освобождение Европы от Наполеона отвечало принципам русской геополитики в соответствии с идеалистическими принципами освободительной миссии и миротворчества. Александр I обращался к своей армии: «Неприятели, вступая в средину царства нашего, нанесли нам много зла, но и претерпели страшную казнь... Не уподобимся им: человеколюбивому Богу не может быть угодно бесчеловечие и зверство. Забудем дела их; понесем к ним не месть и злобу, но дружелюбие и простертую для примирения руку» 10.

Наконец, идея о российской освободительной миссии явилась той духовной основой, которая повлияла на уже советских, но ведомых сокрытыми в глубинах сознания русскими национальными чувствами воинов, вступивших в бой с нацистской Германией. И здесь эта идея

сомкнулась с коммунистическим мессианством.

Российское коммунистическое мессианство, осуществляя революцию в России, одновременно ставило целью распространить свои идеи по всему миру, являя собой превращение «Третьего Рима» в «Четвертый» — коммунистический, большевистско-пролетарский. «Четвертый Рим» оказался столь же эсхатологическим, как и «Третий», только христианский хилиазм он подменил коммунистическим, воспринятым русскими поистине с глубоко религиозной страстностью. Произошла трансляция русского православного мессианства в близкую по своим интенциям идеологию евразийского коммунизма. «Четвертый Рим» излучал по всему миру идею освобождения через революцию. Как писал теоретик мировой революции Л. Д. Троцкий, «социалистическая революция начинается на национальной арене, развивается на интернациональной и завершается на мировой. Таким образом, социалистическая революция становится перманентной в новом, более широком смысле слова...» 11. В русле коммунистического мессианства рождалось предвкушение мировой революции и всемирной республики Советов, создавались Коминтерн и коммунистические партии по всему свету, велась революционная агитация и поддерживались прокоммунистические режимы, формировался биполярный мир.

Ярче всех идеи «Четвертого Рима» выразил настоящий «отец» советской геополитики И. В. Сталин, который в отличие от политических деятелей ленинского периода артикулировал национальные интересы Советской России — «красного царства»: «Октябрьская революция создала... в лице первой пролетарской диктатуры мощную и открытую базу мирового революционного движения, которой оно никогда не имело раньше и на которую оно может теперь опереться. Она создала тот мощный и открытый центр мирового революционного движения, которого оно никогда не имело раньше и вокруг которого оно может теперь сплачиваться, организуя единый революционный фронт пролетариев и

угнетенных народов всех стран против империализма» 12.

Интересно, что мессианская традиция не обошла и отечественных радикал-демократов, которые восприняли Запад именно в качестве но-

Пушкарев С. Г. Указ. соч. С. 293.
 Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 286.
 Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1937. С. 207.

вого мессии, которому они поклонялись. Во многом именно этими мессианскими настроениями была вызвана та легкость, с которой «демократы» отказывались от национальных интересов страны. И бывший министр иностранных дел А. Козырев выступал на первых порах в качестве своеобразного апостола демократического мессианства.

Итак, даже общий обзор показывает, что основные идеи, с которыми Россия вышла в мир, в принципе сохранялись на протяжении многих веков. Это легитимизм (в двух вариантах его понимания — дореволюционном монархическом и советском коммунистическом), опора на идеалистические христианские или коммунистические ценности в их русском толковании, освободительная миссия и миротворчество, глобалистское самосознание, мессианство в формах богоизбранности, артикуляции особого пути России, ее авангардной роли в мире.

Панславизм

Идея собственно панславизма как объединительной программы для этнических славян не вошла в актив русской геополитики и в чистом виде никогда в ней не звучала. Даже наиболее радикальную славянофильскую геополитическую систему Н. Я. Данилевского нельзя назвать действительно панславянской. Одна из основных причин такой неувязки — раскол между Западом и Востоком, который рассек славянский мир на католическую и православную части (да еще и произвел славян-мусульман). В результате, когда речь велась о панславизме, под «славянами» подразумевались православные славяне, и вся концепция моментально редуцировалась до союза русских с сербами и болгарами. Сам же панславизм проявлялся в неявных и не вполне правильных формах, будучи чаще всего подчиненным идее всеправославного единства (панортодоксизма) и сводясь к освобождению православного населения Османской Империи. Россия пыталась объединить и славян и православных, а в результате с ней оставались лишь православные славяне, и то не все. Все попытки практического применения панславизма оборачивались его превращением в панортодоксизм, в объединение православных и в целом восточно-христианских народов, а не славян.

Идеи о славянском единстве начали витать в воздухе Московской Руси во времена Алексея Михайловича. В 1659 г. ко двору прибыл хорват, католический священник Юрий Крижанич «с целыми планами политическими и просветительными, исполнение которых должно было возвеличить единственное свободное славянское государство, надежду всего славянства» ¹³. Панславянские идеи появлялись в то время и среди русских политиков, в частности у Афанасия Ордина-Нащокина. Этот известный дипломат XVII в. рассуждал о необходимости тесного союза с Польшей, чтобы два мощных государства объединили всех славян, два крыла славянства, а Россия объединила бы наряду с этим и всех православных христиан.

Но наиболее ясно панславянские тенденции проявились в XIX в., когда к России чаще стали обращать свои помыслы славяне-католики. Их сближение с Россией являлось реакцией на австрийское и германское давление с запада. Однако пророссийские настроения не взяли верх над умеренной концепцией австрославизма. Государственное объединение всех славян было чистой утопией, славянам требовалась независимость или же автономия с сохранением западной ориентации. В эту

¹³ Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 600.

струю попали сначала славяне-католики, а затем понемногу втянулись

и православные славяне.

Поэтому австрославизм стал умеренной панславянской концепцией, отвечающей западническим настроениям, отрицавшей необходимость общеславянской государственности, но и подчеркивавшей потребность в культурных связях с Россией. Например, мысль хорватского епископа Посипа Штросмайера об объединении славян «от Филлаха до Варны» (т. е. от словенцев на западе до болгар на востоке) явилась австроцентрической формой панславизма.

Российская версия панславизма как геополитической доктрины в законченном виде была представлена Н. Я. Данилевским ¹⁴. В центре его концепции была идея славянства как высшая идея, отстаивание славянской независимости и самобытности, Россия как «солнце славянства». Согласно Данилевскому, в мире должна появиться Всеславянская федерация с центром в Константинополе, который мог стать

«Третьим Римом» в образе «славянско-православного Рима».

В принципе идея о «славянско-православном Риме», о «новом Царьграде», принимающем эстафету от одряхлевшего греческого, имеет балканское происхождение. Дилеммой, стоявшей в свое время перед сербами и болгарами, было либо захватить Константинополь и провозгласить там свой, славянский «Третий Рим», либо создать его у себя дома, построить на новом месте. Поэтому в XIV в. сербский царь Душан Сильный и болгарский Александр стремились овладеть Константинополем. Желая сравняться с Византией, Сербия и Болгария провозгласили своих государей царями, а своих церковных владык патриархами. Столичные города Скопье и Тырново хотели стать не меньше, чем новым Константинополем. Так, болгарский автор пишет про Тырново: «Наш же новый Царьград стоит и растет, крепится и омоложается. Пусть он и до конца растет, принявши такого светлого и светоносного царя — болгар» 15. Но история распорядилась иначе: под ударами османских отрядов пали уже раздробленное Сербское царство и нарождавшийся «славянско-православный Рим» Тырново, а затем и сам «Второй Рим». «Византийское наследство» забрала себе Московская Русь.

Проектируемое Данилевским политическое объединение включало только два славянско-православных государства — Русскую Империю и Королевство Болгарское, одно славянско-католическое (Королевство Чехо-Мораво-Словацкое) и одно югославянское государство, соединяющее обе конфессии (Королевство Сербо-Хорвато-Славянское). Кроме того, в союзе оказались православные, но неславянские Королевство Румынское и Королевство Эллинское, а в довершение всего ни славянское, ни православное Королевство Мадьярское просто в силу его географического положения и некоторых особенностей исторического развития. Заметим, что во Всеславянскую федерацию по понятным для русского человека XIX в. причинам не была включена Польша, хотя дверь для поляков осталась открытой. Таким образом, программа Данилевского синтезировала панславянские тенденции с идеями всеправославного единства и в принципе отражала российские геополитические амбиции на западном и юго-западном направлениях экспансии. Отражала столь точно, что сменивший Российскую Империю Советский Союз в основном и воплотил Всеславянскую федерацию Данилевского, создав социалистическое содружество (правда, без Константинополя).

¹⁴ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. ¹⁵ Карташев А. В. Указ. соч. С. 372.

Всеправославное единство (панортодоксизм)

В русской геополитике активность по линии всеправославного единства была, пожалуй, наиболее выраженной константой, а принадлежность к православному миру — фактором, определяющим дружественные связи, помощь и покровительство. В первую очередь это относится к балканскому направлению российской внешней политики, к идее

освобождения христиан от османского владычества.

Первый этап этой политики связан с именем Петра І. Ее прологом стало письмо сербского патриарха Арсения, руководителя Великого переселения сербов (1690 г.), из вновь захваченных турками после отступления австрийской армии краев, русским царям Ивану V и Петру I 16. Апеллируя к идее всеправославного единства и не питая иллюзий по поводу католической Австрии и Запада вообще, патриарх Арсений возможно впервые пробудил сербские надежды на Россию и русские всеправославные освободительные и объединительные порывы.

Реализацией первой программы освобождения христиан от османского владычества должен был стать, по замыслу Петра I, Прутский поход 1711 г., закончившийся, как известно, неудачей. «Петр решил идти со своим войском «в земли турецкие», «уповая, что Всевышний нам на сего вероломного и наследного, не токмо нашего, но и всего христианства неприятеля победу подаст, и оружием нашим христианским иные многие под игом его варварским стенящие христианские народы освободить соизволит...» 17. Однако Россия еще не заняла требуемое геополитическое положение, не могла «ногою твердой стать при море», разумея море Черное, и соответственно не могла одолеть Турцию.

Но начало было положено. Царь Петр установил отношения с сербами и черногорцами, Молдовой и Валахией, особенно близкие с черногорским митрополитом Данило Петровичем и молдавским господарем Дмитрием Кантемиром, который принял русское подданство. Тогда же Россия сделала первый шаг навстречу османским христианам — предоставила им убежище, дав возможность поселиться в причерноморских степях. Первые миграции сербов в Россию произошли как раз в то время — в 1712 и 1717 гг. 18 Наиболее рельефно политика помощи православным подданным Блистательной Порты на российской территории проявилась в царствование Елизаветы Петровны. После указа от 24 декабря 1751 г. «О принятии в подданство сербов, желающих поселиться в России» на территории империи возникли две сербские области. В Россию переселялись также православные славяне из Болгарии, Македонии, появилось очень много молдаван.

Второй этап реализации всеправославной программы пришелся на время Екатерины II. В годы ее царствования строились планы изгнания турок с Балкан, был создан «греческий проект», по которому османские территории делились между Россией, Австрией и Венецией, и образовалась Греческая Империя со столицей в Константинополе и с императором Константином -- малолетним внуком Екатерины на престоле. Россия не только постепенно утверждалась на Черном море, но и вынуждала Османскую Империю взять обязательства по защите своих православных подданных, покровительствовала Молдове и Валахии (одно время соблазняясь включить их в состав Российской Империи).

¹⁶ Томић Ј. Н. Срби у Великој сеоби, Београд, 1990. С. 50.
¹⁷ Пушкарев С. Г. Указ. соч. С. 228.
¹⁸ См.: Јачов М. Венеција и Срби у Далмацији у XVIII веку. Београд.

При Екатерине идея всеправославного единства стала активно исполн

зуемой государством геополитической концепцией.

Под знаком политической экспансии России на Балканах проше весь XIX в. Русские войска помогали сербам уже в годы Первого серб ского восстания в начале века, одерживая совместные победы в 180 1810—1811 гг. В 1812 г. Россия добилась признания сербской автономи Непрерывная борьба за освобождение православных христиан с османского владычества развернулась в царствование император Николая I и Александра II. Царь Николай уже в 1826 г. добило расширения сербской автономии (Аккерманская конвенция). Он н повторил ошибки Александра I, поддержавшего легитимность турецког султана, и прямо выступил на стороне восставших греков. В результат заключенного вскоре Адрианопольского мира не только Греци (ставшая в следующем году независимой), но и Молдова, Валахи

Сербия получили широкую автономию.

Последовательное проведение Николаем І самостоятельной пол тики в «восточном вопросе», искренняя помощь православным отстаивание российских интересов, освященных идеями всеправосла ного единства и консервативно-христианскими идеалами, привели неизбежному столкновению с западными державами. Разгорелась Кры ская война. Католическая Франция, протестантская Англия и исламска Турция против православной России — вот какая расстановка сил сл жилась на тот момент! Она еще раз доказывает, что сильнейшим кул турным и геополитическим разломом был и остается разлом межд западным и восточным христианством, более того — между Западом Россией, поскольку прозападные настроения в той или иной степет проявлялись у всех прочих православных народов. В результа «вифлеемского кризиса» и Крымской войны христиане Турции был поставлены европейскими державами под свою защиту, «отобрань у Российского государства вместе с правом иметь флот на Черном мор

Годы правления Александра II знаменовались продолжением ге политической линии Николая I. Помощь православным славянам ста не просто острием русской геополитики, но и делом всего русско общества. После вступления Сербии и Черногории в войну с Турци в России были созданы «славянские комитеты», на Балканы отправ лись добровольцы, а сербской армией командовал русский генера Тогда же Россия пришла на помощь Болгарии. После вспыхнувше там восстания все складывалось более чем благоприятно. По Сан-Ст фанскому миру Сербия, Черногория и Румыния получили независимост а Босния и Герцеговина с Болгарией — автономию. Но тут произош надлом, второй после Крымской войны. Под прямыми угрозами Англ и Австрии, испугавшихся сильнейшей победы России и русск геополитики, Россия согласилась на пересмотр соглашения. Собрал Берлинский конгресс, были «урезаны» территории Болгарии, Черн гории, а Босния и Герцеговина были оккупированы Австрией. Авторит России во многом оказался подорванным.

И здесь крайне важно обратиться к записям, сделанным выда щимся поборником славянских и православных идей Ф. М. Достое ским за год до Сан-Стефано и Берлина, когда еще русская арми доблестно сражалась в Болгарии. Достоевский поистине пророчес предупреждал: «России надо серьезно приготовиться к тому, что в эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до поте личности своей заразятся европейскими формами, политическими социальными, и таким образом должны будут пережить целый длинный период европеизма, прежде чем постигнут хоть что-нибудь

своем славянском значении и в своем особом славянском призвании в среде человечества. Между собой эти землицы будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать и друг против друга интриговать». Достоевский так говорил об освобожденных славянах: «Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спасались при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешайся Европа, так Россия, отняв их от турок, проглотила бы их тотчас же, имея в виду расширение границ и основание великой Всеславянской империи на порабощении славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени. Долго, о, долго еще они не в состоянии будут признать бескорыстие России... выставят как политическую, а потом и научную истину, что не будь во все эти сто лет освободительницы — России, так они бы давным-давно сами сумели освободиться от турок, своею доблестью или помощью Европы, которая, опять-таки не будь на свете России, не только бы не имела ничего против их освобождения, но и сама освободила бы их... даже о турках станут говорить с большим уважением, чем об России... Особенно приятно будет для освобожденных славян высказать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высокой европейской культуре» 19.

Мы привели столь обширные цитаты для того, чтобы позволить читателю убедиться в справедливости слов великого писателя, вспомнив, что так оно и случилось в конце XIX — начале XX в., что в «восточном вопросе» проиграла не только Турция, но и Россия, что европейская цивилизация оказалась привлекательнее единоверной России, хотя этот момент больше относился к политическим элитам народившихся государств. В народах Балкан удалось посеять подозрения в стремлении России присоединить их земли к своей империи. Понимая это, Достоевский писал: «Но да сохранит Бог Россию от этих стремлений, и чем более она выкажет самого полного политического бескорыстия относительно славян, тем вернее достигнет объединения их около себя вследствии, в веках, сто лет спустя» ²⁰. В объединении славян он видел для России высшую бескорыстную идею и высшую

цель служения человечеству.

Сразу по освобождении Балкан случилось предсказанное. Сербия, Болгария и Румыния попали под западное влияние, как это раньше произошло в Греции. К этому дело шло и в 1863 г., когда в Греции утвердилась династия Глюксбургов, и в 1866 г., когда в Румынии на место объединителя страны Александра Кузы пригласили князем Карла Гогенцоллерна, основавшего румынскую (?) династию Гогенцоллернов — Зигмарингенов. А в 1887 г. князем только что освободившейся Болгарии вместо Александра Баттенберга, смещенного офицерами-русофилами, стал другой немец — Фердинанд Кобург (позднее болгарский царь Фердинанд!), правящий страной вместе с антироссийски и прогермански настроенным премьер-министром Стефаном Стамболовым (примирение Болгарии и России и установление дипломатических отношений произошли лишь в 1896 г.). Лишь Сербия и Черногория еще как-то держались за национальные традиции и не были столь активны в «интеграции в Европу», сохраняя добрые отношения с Россией.

 $^{^{19}}$ Достоевский Ф. М. Одно совсем особое словцо о славянах//Слово. 1991. № 12. С. 1—2. 20 Там же.

Однако сербский монарх Милан Обренович питал симпатии к Австрии. И вот в конце концов императору Александру III в 1889 г. не осталось ничего иного, как провозгласить свой знаменитый тост за «единственного верного друга России, князя Николая Черногорского». Во времена Николая II к политике дружбы с Россией возвратилась и Сербия благодаря премьер-министру Николе Пашичу и королю Петру Карагеоргиевичу. Итак, вся эпопея реализации панславянских и всеправославных геополитических идей завершилась тем, что с Россией остались Сербия

и Черногория — ее единственные надежные союзники.

Парадоксально, но программу объединения славян и православных народов практически выполнил атеистический и интернационалистический Советский Союз. Ведь в социалистическом содружестве оказались все славянские народы и все православные, кроме греков! Был временно ликвидирован культурно-географический разлом между Западом и Востоком! Социалистическая идея, отрывая народы от укорененных в национальной традиции взаимных противоречий, стремилась объединить их на иных принципах. Но относительный успех пришел при использовании старых, вроде бы отвергнутых, но на деле реальных этнокультурных форм — славянской и православной.

*

Линия русской геополитики проводилась в государстве последовательно, несмотря на очень разные и подчас противоречивые личности великих князей и царей, несмотря на смуты и случавшиеся поражения. Это значит, что основы русской геополитики были заложены географической и культурной спецификой русской земли. Это значит, что Россию отличает огромная инерционность, в силу которой история

Советского Союза стала продолжением российской истории.

История русской геополитики не закончилась. Но российская государственность переживает первый действительно сильный кризис, первый серьезный геополитический надлом (кризис, последовавший за Октябрьской революцией, был все же преодолен). В этой связи естественно на повестку дня выдвигаются такие важнейшие геополитические проблемы, как вопрос о воссоздании СССР, вопрос о постсоветских образованиях, проблема определения российских национальных интересов и установления геополитических принципов деятельности Российского государства, проблема российских границ и внутреннего устройства.

Последний период российской истории, период борьбы за мировое господство, нашел для России приемлемые формы существования для реализации задуманного, но он же многое исказил, в плане культурно-историческом нарушив русскую культурную традицию, а в плане внутриполитическом поделив страну на национально-государственные образования. Советский Союз, отрицая геополитику как науку, был весьма геополитичен, но по традиции и очень идеалистичен. Поэтому он и потерпел поражение в борьбе с западной прагматической геополитикой. Но Россия, несмотря на все «модернизационные» импульсы и исторические катаклизмы, остается в своих геополитических интенциях весьма консервативной страной, которая вряд ли способна уйти от своих геополитических императивов.